

Тропа меж
двух костров

Елизавета Мальчикова

18+

Елизавета Мальчикова

Тропа меж двух костров

<https://litres.ru/74019096>

SelfPub; 2026

Аннотация

Настя — дочь кузнеца Владимира, чья воля тверже закалённой стали. Её сердце отдано Артемию, бедному сироте, которого отец презрительно зовёт смердом. Любовь молодых хрупка, как первый лёд на реке, и вот-вот будет растоптана суровыми законами рода и отцовским гневом. Побои и унижения становятся платой за запретное чувство, а единственный путь к спасению, который видит мать Насти, лежит через кровь — Артемий должен уйти в княжескую дружину, где жизнь воина измеряется лишь до первого сражения.

Но когда отчаяние достигает предела, когда тоска по ушедшему возлюбленному становится невыносимой, на пороге избы появляется тот, кто питается женской болью. Огненный змей — славянский инкуб, коварный соблазнитель и вестник гибели. Его речи сладки, его прикосновения обжигают холодом присподней, а цена за его дары — бессмертная душа.

Дорогие, друзья! Обратите внимание, что мои книги написаны по сказкам, мифологии и мифам славянской Руси, но не по историческим фактам!

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Елизавета Мальчикова

Тропа меж двух костров

Глава 1

Часть первая.

Любовь и смерть.

Глава первая.

Горькая роса.

Босые ступни обжигает холодная роса. Я смеюсь, запрокинув голову к кронам вековых сосен, где солнечные лучи с трудом пробиваются сквозь плотный полог, рисуя на земле причудливые узоры. Летнее утро пахнет влажной землёй, смолой и чем-то неуловимо сладким — то ли цветущим подмаренником, то ли самой магией леса. Артемий уже близко; я слышу треск сухой ветки под его сапогом и низкий, грудной смех, от которого по спине бегут мурашки. Не оборачиваясь, я ныряю за раскидистую берёзку, прижимаюсь спиной к её шершавому, прохладному стволу и замираю, стараясь унять дыхание.

— Настя! — его голос звучит совсем рядом, справа. Он знает эти тропы лучше меня, вырос здесь. Но он играет честно, даёт мне шанс. — Я найду тебя, рыжая!

Я прикусываю губу, чтобы не рассмеяться снова. В этот

миг утренний ветерок стихает, и лес погружается в звенящую тишину. И в этой тишине я вдруг чувствую это — лёгкую вибрацию под ладонями, которыми я упираюсь в кору. Берёза словно... дышит? По белой коже ствола пробегают едва заметные серебристые искры.

— Выходи, хитрая, — шепчет Артемий уже с другой стороны, но я не могу пошевелиться, замороженная зрелищем. Кора на уровне моих глаз начинает темнеть, плавиться, как тёплый воск, собираясь в очертания человеческого лица. Древесные губы беззвучно шевелятся, а затем из них вырывается звук, похожий на шелест листвы и скрип старых ветвей. Это не слова, которые можно понять разумом, а скорее прямое знание, падающее в самую душу: «Он идёт. Тот, кто носит чешую. Беги от него, дитя.

Его поцелуй — вечный сон».

Видение меркнет так же внезапно, как появилось. Серебряные искры гаснут, оставляя после себя лишь запах озона и липкий страх. Я отталкиваюсь от дерева, забыв про игру. Сердце колотится где-то в горле, но не от бега, а от предчувствия беды. — Что случилось? — Артемий выходит из-за соседней берёзы, улыбка сползает с его лица, когда он видит моё бледное, испуганное лицо. Он делает шаг ко мне, протягивая руку. — Ты белая как полотно. Кто тебя напугал?

Я смотрю на его протянутую ладонь, такую родную и тёплую, но перед глазами всё ещё стоит образ древесного лица. «Его поцелуй — вечный сон».

— Мне нужно домой, — шепчу я, отступая на шаг. — Прямо сейчас.

Артемий виновато пожимает плечами. — Ладно.

Тёплая ладонь накрыла мою руку, шершавая от мозолей, но удивительно нежная. Она осторожно потянула меня из тени берёзы на свет. Липкий страх комом застрял в горле, не давая вдохнуть полной грудью. Я подняла глаза на Артемия. Его взгляд серьёзен, без тени недавней игривости. Он смотрел так, словно видел во мне что-то большее, чем просто испуганную девушку. Что-то очень дорогое его сердцу. — Ты единственная, — его голос прозвучал низко, почти шёпотом, сплетаясь с шелестом листвы над нашими головами, — единственная, кто коснулся моего сердца. Он притянул меня к себе, и мир сузился до запаха хвои и влажной земли, исходящего от него. Его губы тёплые вопреки утренней прохладе. Поцелуй стёр последние крупницы страха, оставив лишь оглушительный стук крови в ушах. Он первый мужчина, кто поцеловал меня по-настоящему, и этот поцелуй казался обещанием защиты от всех лесных духов, навых тварей и невзгод.

Отстранившись, он не отпустил меня, а лишь крепче сжал пальцы на моём запястье, где билась жилка.

— Пойдёшь за меня? — спросил он, и это было не требование, а вопрос, от которого зависела судьба. — Станешь моей женой перед лицом богов и людей?

В его глазах плескалась такая отчаянная надежда, что мой собственный страх показался ничтожным. Я улыбнулась

краешком губ и рванула с места.

— А может и пойду! — Прокричала я, не оглядываясь.

Зайдя в избу, я едва не задохнулась: в нос ударил густой, обволакивающий дух тёмного печного дыма, обитающий под потолком. В полумраке отец сидит на широкой деревянной лавке за тяжёлым дубовым столом и сверлит меня тяжёлым взглядом. — Опять со своим смердом шлялась! — прорычал отец, и его голос подобен раскату грома. Он сжал огромные кулаки так, что побелели костяшки. Я опустила глаза и принялась отчаянно теревить грубую ткань своего кафтана, пытаюсь унять дрожь в руках. — Тятя, не надо... — это всё, что я смогла выдавить из себя. Отец резко поднялся. Тяжёлая лавка с грохотом опрокинулась на земляной пол. Он шагнул ко мне, и я невольно отшатнулась, чувствуя, как меня обволакивает знакомый с детства аромат трав, с которыми мать поласкает нашу одежду.

— Не надо? — его голос стал тише и оттого ещё страшнее. — Не надо ему кружить возле моей дочери! Ты — девица из рода кузнеца! Не для того я наковальню годами гну!

— Но тятя... я люблю его... — прошептала я, чувствуя, как к горлу подступает горький ком. Отец схватил меня за плечо и дёрнул к себе. Его пальцы как кузнечные клещи. — Одной любовью сыт не будешь! — вспыхнул он. — Если хочет добиться моего расположения, пусть научится зарабатывать монеты! А то только и умеет, что у печи греться да языком молоть!

— Владимир, отпусти сейчас же нашу дочь! — раздался властный голос. В горницу вошла мать. В её руке была зажата тяжёлая кочерга. Она встала между нами, заслоняя меня собой. — Хватит пугать её! Он хоть и беден, но руки у него золотые! Отец разжал пальцы. Я тут же кинулась в объятия матери, сглатывая горький ком обиды.

— Больше к нему не пойдёшь! — бросил отец уже от двери. Он схватил свой кожаный фартук, висевший у входа. — А коли он посмеет сюда заявиться — головы ему не сносить! Своим молотом клянусь! С этими словами отец вышел из избы, с силой хлопнув тяжёлой дверью так, что пламя в очаге испуганно колыхнулось.

— Как же так, мама — Голос мой сорвался на шёпот, и я больше не могла сдерживать слёз. Они хлынули горячим, солёным потоком, обжигая щёки. Плечи предательски затряслись, и я закрыла лицо руками, стыдясь своей слабости. Мама тут же положила тяжёлую кочергу рядом с печкой и обняла меня крепче, прижав к своей тёплой груди. От её одежды пахло сушёной малиной и дымом очага — запах дома, который сейчас казался мне клеткой. — Тише, тише, дитя. — Она гладит меня по волосам шершавой ладонью. — Ничего. Коли никто ещё свататься не приходит, время у твоего Артемия есть. Пусть он в себе силы копит. — Она отстранилась, взяла моё лицо в свои руки и заглянула прямо в глаза. В её взгляде была суровая мудрость, от которой мне стало ещё страшнее. — Пусть твой Артемий в дружину княжескую

запишется. Глядишь, и златник в дом принесёт. Станет мужем не с пустыми руками. Мои глаза расширились от ужаса, словно я заглянула в бездонную пропасть. — Как это — в дружинники? — выдохнула я, чувствуя, как ледяной холод сковывает сердце. — Мама Это ж верная смерть! Стрелы печенежские, мечи хазарские... Нечисть всякая. От туда же не возвращаются! Мама качнула головой, и в её голосе зазвучала неумолимая сталь: — Это самый быстрый способ заработать на выкуп за тебя. А как свадьбу сыграем — уйдёт из дружины-то. Пойдёт к отцу твоему в кузню подмастерье Коли Перун его сбережёт.

Я безвольно осела на пол, ноги отказывались держать. Я начала рыдать навзрыд, уже не сдерживаясь. От одной лишь мысли о том, что мой Артемий, чьи руки созданы для ласки и работы с деревом, а не для убийства, будет стоять в строю под градом вражеских стрел, меня сковывал первобытный ужас. Я представила его бледное лицо на поле брани, и горло перехватило так, что я не могла вдохнуть.

— Ну а ты как хотела, дочь? — Голос матери доносится до меня словно сквозь толщу воды. — Чтоб отец тебя за смерда-примака отдал? Чтоб мы с голоду пухли? Чтоб соседи пальцами тыкали? Я рванулась из её объятий с неожиданной для самой себя силой. Мир вокруг расплылся от слёз. Я добежала до тёмного угла за печью и упала на лавку, зарывшись лицом в старый овчинный тулуп. Я не могла поверить. Моя родная мать предлагает мне отдать любимого на вер-

ную гибель ради горсти монет! В этот миг мне показалось, что весь мир ополчился против нас. Будто и мать тоже хочет избавиться от Артемия, который «недостойн» её дочери. Боль предательства смешалась со страхом за его жизнь, и эта смесь выжигала меня изнутри.

— Поплачь, Настя, коли легче станет.

Сидя у давно остывшей печи, я разглядываю свои пальцы. Слезы всё ещё катятся по щекам, оставляя на коже солёные дорожки, но я даже не пытаюсь их утереть. Глаза, наверное, жутко покраснели и распухли, но мне наплевать. Пусть видят. Пусть весь мир видит, как мне больно.

«В дружинники...».

Это слово билось в моей голове, как пойманная в силки птица. Я видела их на торжище — молодых парней в кожаных доспехах, с горящими глазами и шрамами на лицах. Они казались мне героями из сказаний гусяров. Но теперь я знала правду. За их молодостью и силой стояла смерть. Холодная, безликая, которая не разбирает, кто прав, а кто виноват. Она просто забирает. Я представила его там. Вокруг лязг стали, крики раненых и запах крови и пота. Я видела, как вражеская стрела находит щель в его доспехе... Я зажмурилась так сильно, что перед глазами поплыли цветные круги, и прижала ладони к лицу, пытаюсь отогнать страшное видение. Видение быстро исчезает, потому что я слышу, как со скрипом отворилась дверь в избу. До ушей доносится глухой лязг опрокинутого кувшина и жалобный звон глиняных

горшков — мать в суете собирала ужин, но руки её не слушались после работы в поле.

— Где харчи, дочь? — Голос отца, низкий и налитый свинцовой тяжестью, разрезал тишину избы. В нём уже не было гнева — лишь холодная, выверенная злоба.

— Я тебе не челядь! — Слова вырвались сами, прежде чем я успела подумать. Горечь обиды за Артемия, страх и унижение смешались в этот дерзкий выкрик.

Тяжёлые шаги сотрясли половицы. Он не шёл — он на двигался, как грозовая туча. Отец грубо схватил меня за ко- су и рванул вверх, вытаскивая из-за печи. Боль обожгла ко- жу головы, но это было ничто по сравнению с тем, что жда- ло впереди. Он поволок меня через горницу к выходу, и мои ноги безвольно волочились по земляному полу.

— Отпусти! — Крик матери был похож на вой ранено- го зверя. Из её ослабевших рук выпал глиняный горшок, на- полненный капустой и пшеном, рассыпав по полу неприго- товленный ужин.

Отец швырнул меня на широкую лавку во дворе так, что воздух выбило из лёгких. — Челядь бы я убил за такие дерз- кие слова, — прохрипел он, нависая надо мной тёмной гро- мадой. Лицо его исказилось, утратив человеческие черты. — А тебя... тебя я просто выпарю. Чтоб дурь выбить. Мать бро- силась ему в ноги, пытаясь обхватить колени, остановить, но было поздно. Тугая плеть со свистом рассекла вечерний воздух. Первый удар ожёг спину раскалённым железом. Я

закричала, но тут же сжала зубы, давясь собственным криком, чтобы не доставить ему удовольствия слышать мою слабость. Боль была ослепляющей, белой вспышкой перед глазами. Секунды длились как вечность часы Второй удар пришёлся ниже, вспарывая ткань рубахи и впиваясь в плоть. Я судорожно хватанула ртом летний воздух, чувствуя металлический привкус крови на губах от того, что прикусила язык. Раздался третий удар. Огненный хлыст прошёлся вдоль позвоночника, и я умоляла Великого Волоса, чтобы этот удар стал последним, иначе моё сердце просто разорвётся от муки. Отец тяжело дышит и с видимым усилием отбрасывает окровавленную плоть в сторону. — Завтра пойдёшь вместо матери в поле, — бросил он, даже не глядя на меня. — Хватит бока отлёживать. Он развернулся и, грубо оттолкнув рыдающую жену, скрылся в избе. Мать осталась стоять на коленях посреди двора, раскачиваясь из стороны в сторону. Я безвольно сползла с лавки на землю, падая лицом в пыль и тёплую летнюю траву. Сил кричать больше не было. Осталась только пульсирующая, всепоглощающая боль и липкая, горячая кровь, пропитывающая одежду.

Этой ночью я не спала. Не могла. Пульсирующая боль в спине, отдавала во всё тело. Я села на лавке, свесив босые ноги, и хотела зевнуть, но адская боль в губе не дала мне этого сделать. Видимо плеть задела лицо. Пусть. Крадясь по избе, я тихо надела свою одежду, взяла с крюка серп и отправилась в поле.

Ветер шевелит выбившиеся из косы пряди, бросая кудряшки мне в лицо, но у меня не было сил даже поднять руку, чтобы убрать их. Я чувствовала себя сломанной куклой, брошенной в углу за ненадобностью.

— Рыжая! — Окликает меня знакомый радостный голос. Я останавливаюсь у кромки поля, но не оборачиваюсь. Спина горит огнём под грубой тканью рубахи, а разбитая губа пульсирует в такт бешено бьющемуся сердцу. Я слышу его шаги по мягкой земле — лёгкие, почти неслышные. Когда Артемий подходит ближе, я ещё ниже опускаю голову, пряча лицо за завесой выбившихся кудряшек. Он уже слишком близко. Я чувствую тепло его тела и лёгкое касание воздуха от его движения.

— Ты чего, Настя? — голос его звучит глухо, с нотками тревоги. Артемий поднимает моё лицо за подбородок. Его пальцы нежны, но настойчивы. Мне приходится встретиться с ним взглядом. Вижу, как его добрые голубые глаза, обычно полные света, мгновенно наливаются тёмной, грозовой злостью. Он всё понял без слов. Смотрит на мою распухшую губу, потом переводит взгляд куда-то поверх моего плеча, словно видя там, во дворе нашего дома, сцену расправы. Не говоря больше ни слова, он разжимает руку, позволяя мне отстраниться, и с грохотом бросает свои инструменты на мягкую траву. — Раньше он тебя не бил! — рычит Артемий, разворачиваясь к деревне. Голос его дрожит от ярости. — Ненавидеть меня — это одно, но за то, что поднял руку

на тебя...

Страх за него пронзает меня острее плети. Я знаю эту ярость. Она слепа и ведёт только к беде. Забыв про собственную боль, я обгоняю его, преграждая путь. Его рука сжата в кулак так сильно, что белеют костяшки пальцев. Я беру эту родную, мозолистую ладонь, горячую от гнева, и кладу себе на грудь, туда, где под рёбрами испуганно трепещет сердце.

— Мать тоже не отставала — мой шёпот едва слышен.

— Била тебя? — его голос срывается.

Я качаю головой, чувствуя, как новая волна стыда заливает щёки румянцем. — Предложила тебе пойти в дружинники. Злость в его глазах медленно тает, уступая место тяжёлой задумчивости. Он отводит взгляд, смотрит вдаль, на темнеющий лес.

— Даже не думай, — шепчу я умоляюще, сжимая его пальцы на своей груди. — Прошу тебя. Мгновение тишины кажется вечностью. Наконец, напряжение покидает его плечи. Кулак разжимается, ладонь ложится на мою спину, осторожно, боясь причинить боль. Злость перешла в горькую усталость. Он притягивает меня к себе, его губы касаются моего лба, макушки, пахнувшей летним ветром.

— Глупая, — выдыхает он, и в этом слове столько нежности, что у меня перехватывает дыхание. Мы молча поднимаем брошенные им инструменты и, плечо к плечу, отправляемся в поле. Впереди нас ждал долгий день тяжкого труда, но сейчас, в его объятиях, даже эта боль казалась терпимой.

Вернувшись домой в нос ударил притягательный аромат печёных пирогов. Мать пытается извиниться.

— Садись, давай, Настя, небось, весь день и маковой росинки в рот не взяла.

Молча скрываясь за печью, я ложусь на лавку, чувствуя как, глаза наливаются тяжестью. Сквозь сон я слышу голоса отца и матери, но уже не могу разобрать слова, потому что погружаюсь в обволакивающий сон.

Проснувшись с первыми петухами, я нехотя встаю. Сон ещё цепляется за веки липкими пальцами, но тело помнит о делах. В избе душно, пахнет остывшей золой и сушёным зверобоем. Я накидываю на плечи старый платок матери — он пропитан её запахом, который теперь приносит не утешение, а глухую тоску.

Во дворе прохладно, роса лежит на траве тяжёлым серебром. Солнце только-только тронуло золотом верхушки сосен на опушке леса. Мир просыпается медленно, лениво. Я беру плетёную корзину, чтобы собрать свежие яйца, и направляюсь к низкой двери курятника. Внутри царит полумрак и густой, тёплый запах соломы и птичьего пера. Куры уже копошатся в пыли, недовольно квохча при моём появлении. Я привычно шарю рукой под насестом, там, где несушки любят прятать свои кладки. Пальцы натываются на тёплую скорлупу, и вот первое яйцо уютно ложится в ладонь. Но тут же что-то другое царапает кожу. Не камень, не щепка... Это гладкая, прохладная поверхность. Я достаю руку и шурюсь, пытаюсь

разглядеть находку в тусклом свете, пробивающемся сквозь щели. Это был небольшой свёрток из бересты, туго перетянутый льняной нитью. Моё сердце пропустило удар. Никто, кроме него, не оставлял мне вестей таким образом. Дрожащими пальцами я развязала узелок. Береста была гладкой, без единого сучка, а на ней — нацарапанные углём, слегка кривые буквы. Почерк был торопливым, словно писавший спешил или рука его дрожала от волнения.

«Рыжая, моя, нежная, я уйду сегодня на заре. Мать твоя права: иного пути нет. Отец твой никогда не примет меня иначе, чем воина с мечом у пояса. Я должен принести выкуп за тебя, чтобы ты не знала нужды. Должен стать кем-то, кто достоин твоей красоты. Я записался в княжескую дружину. Они ушли по тракту на север, к заставам. Сказали, вернусь с добычей или не вернусь вовсе. Прости, что не сказал тебе сам. Ты бы плакала, а я слаб перед твоими слезами. Помни мой обет. Я вернусь, коли сильно ждать будешь. Твой Артемий.»

Буквы поплыли перед глазами. Строчка «не вернусь вовсе» обожгла хуже калёного железа. Он ушёл. Бросил всё. Оставил меня одну разбираться с гневом отца и пустыми обещаниями матери. Воздух в тесном курятнике вдруг стал невыносимо горячим и спёртым. Я привалилась спиной к шершавому бревну стены, сжимая в руке проклятую записку так сильно, что края бересты впились в ладонь. Курица рядом испуганно шарахнулась в сторону, но я даже не заме-

тила этого. Весь мир сузился до этих нескольких строк, написанных углём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.